

МИХАЙЛО КІСТЯКІВСЬКИЙ.

ДРАГОМАНОВ У ФЛОРЕНЦІЇ.

Року 1864-го Олександр Хведорович Кістяковський переїхав з Петербурга до Києва. Оборонивши восени дисертацію, він став приват-доцентом київського університету на кафедрі кримінального права. Поміж новими своїми товаришами в університеті він уперше зустрівся та познайомився з Мих. Петр. Драгомановим, що був тоді так само приват-доцентом на кафедрі стародавньої історії. Драгоманов був куди молодший за Кістяковського, багато було різниць у їхніх поглядах, та не зважаючи на це, вони скоро зішлись і познайомились ближче.

Їх зв'язував не тільки університет. Оселившись у Києві, Кістяковський став близько до гурту київських Українців, так званої «Громади»; він познайомився трохи не з усіма «громадянами»; деякі з них, як приміром Вол. Бон. Антонович, були його близькі родичі. Саме родина Антоновичів найбільше й наблизила Кістяковського до Драгоманова. В Антоновичів познайомилися й дружини Михайла Петровича та Олександра Хведоровича.

Наприкінці шістдесятих років ми вже бачимо Драгоманових і Кістяковських близькими знайомими. Ось, наприклад, записочка Драгоманова того часу, що свідчить про відносини приязні й дружні. Підроблюючись до давньо-слов'янської мови, він пише:

«Окружное посланіе философомъ Жилианской улицы купно со жены.

Обычаемъ предковъ нашихъ установлено: радоватися приращенію рода человекска и христіянска; найприличествующимъ такому событію видомъ выраженія радости признано совмѣстное наслажденіе дарами божіими пищенію и штіемъ. Того ради благоволятъ высокооумные философове, взявши жены своя, принти завтра въ 2 часа въ домъ нашъ, да возрадуемъся годовщинѣ сущей рожденія дщери нашея. Октября 16.

М. Драгомановъ.

В. Б. Антоновичу, В. И. Антоновичевой, А. Ф. Кістяковскому, А. И. Кістяковской»¹⁾).

Так він міг писати тільки своїм близьким приятелям.

Року 1870-го М. П. Драгоманова було відряджено за кордон для студіювання стародавньої історії по тамтешніх університетах. Він виїхав із сім'єю до Німеччини, перебував до весни 1871-го року в Берліні, був у Саксонії, Чехії, прожив якийсь час у Відні, а з осені того-ж таки 1871-го року оселився у Гайдельберзі.

Якраз тоді й Ол. Хв. Кістяковського, вже професора київського університету, відряджено за кордон так само для наукової праці. На початку жовтня місяця 1871 року він прибув із сім'єю до Гайдельберга. Звідтиля він пише до брата у Київ «...ми приїхали до Гайдельберга ту суботу (2го 14 X) увечері,—а тільки вчора впорядились... У Гайдельберзі ми застали Драгоманових—учора (8го 30) вони виїхали до Флоренції»²⁾.

Бачимо, що в Гайдельберзі Драгоманови з Кістяковськими вкуні жили недовго—менш як тиждень. Коли Мих. Петр. вже кінчав свою роботу в університеті, Ол. Хв. тільки починав. Виїхавши з Гайдельберга, Драгоманови

¹⁾ Цю записку писано між 1866 та 1868 роками. І Антоновичі і Кістяковські жили тоді на Жилианській вулиці.

²⁾ Листа цього писано 9го жовтня 1871 р.—російською мовою.

були у Мінхені, у Тіролі переїхали Альпи й через Венецію приїхали до Флоренції. Оселившись там, вони пишуть перші листи (9.XI) до Кістяковських, «щоб не втратити нитку стосунків за кордоном». Дальші листи писав уже сам Мих. Петр.: дружина його трохи не весь час нездужала. Перший, другий, третій (11.XII.1871) та четвертий (13.III.1872) листи писано ще тоді, як Кістяковські жили у Гайдельберзі. Між четвертим та п'ятим листами— велика перерва (11 місяців) її причини поясняє Драгоманов у п'ятому листі (15.II.1873). За цей час у житті Кістяковських одбулись переміни. Ол. Хв. закінчив роботу в Гайдельберзьким університеті і літом 1872 року Кістяковські переїхали до Швайцарії, а далі і до Італії, спинившись у Неаполі. Там одержано цього, п'ятого Драгоманівського листа. Вже через тиждень Драгоманови знову пишуть до Кістяковських з приводу непорозумінь, що виникли між ними. Ці листи одібрано ще в Неаполі (VI та VII—20.II.). Але скоро Кістяковські виїхали до Риму, де й одібрали восьмого листа (20.III.). од Драгоманова. По тому листування вривається.

Через кілька день після того останнього листа Кістяковські перебрались до Флоренції, де й стрілися знову з Драгомановими. Та й тут укупі вони пожили недовго, бо Кістяковські швидко виїхали вже до Києва. Драгоманови-ж зістались у Флоренції, прожили півтора місяця в Цюріху й тільки у серпні 1873 року повернулись до Києва.

I. Мих. Петр. Драгоманов—до Ол. Хв. Кістяковського.

Флоренція, 9 Ноября 1871.

Кажи го п'я! як выскочишь,—с'єго ради, добр'їйшій Александръ Федоровичъ, я и не отзывался, пока не прибылъ въ Флоренцію, хотя собственно окончательнаго го п'я! и до сихъ норъ сказать не могу, ибо на квартиру еще не перебрался. Перебираюсь завтра. Каково то будетъ житься, не знаю! Квартира им'єть много удобныхъ[тъ] сторонъ, но и неудобства. На ея плюсь надо поставитъ: 1) м'єсто на Piazza della signoria противъ солнца, 2) з довольно просторныя комнаты, 3) каминъ въ каждой, 4) выходы изъ каждой. На минусъ: 1) ц'їна большущая—150 фр. въ м'єсяць расходовъ, 2) высота ужасная—5 этажъ по нашему, а по зд'їшнему 4-й, 3) хозяинъ им'єть видъ шарлатана.—С'єго ради й боюсь сказати го п'я! Каково то проживу и каково сведу концы съ компаніями, ибо путешествіе опустошило карманъ да и устройство съ 3^{1/2} персонами¹⁾ стоитъ.—Вообще говоря, въ дорог'ї, при навьк'ї уже приобр'єтенномъ, даже въ Італіи мы їхали и жили недурно и не очень дорого, если бы взяли сумму на одного.

Въ Флоренціи только намъ пришлось сначала плохо,—и потому, что я отступилъ отъ своего правила: не над'їйтеся на сыныи члов'їческія, ни на князи, т. е. дворяне. Н'їкто Мезенцевъ мн'ї давно об'їщаль разв'їдати къ приїзду, что и нужно, о Флор.[енціи] и устройств'ї въ ней. Передъ выїздомъ изъ Гейдельберга получилъ я отъ него письмо, гласящее, что онъ уже устроился при помощи н'їкогого Sturani, мн'ї сов'їтуєть остановитъся въ Hôtel Roma, не дорогомъ, но порядочномъ. Въ Венеціи я узналъ, что Roma—н'їмецкій отель, что оказалось мн'ї т'їмъ бол'їе удобнымъ, ради моего плохого итальянскаго языка и моей н'їмки. Отель оказался плохой и дорогой. Прихожу къ Мезенцову въ квартиру: мн'ї подають письмо, гласящее, что М.[езенцевъ] уїхалъ въ Россію (заплативъ за квартиру за м'єсяць), ибо кузенъ его

¹⁾ З Мих. Петр. у Флоренціи жили: його дружина—Людмила Михайлівна та дві доньки—Ліда (нар. 1865 р.; тепер Л. М. Шипманова) й Оля (померла 3.III.1873 р.; див. лист IV), при доньках була ще вльнка-німкєня. Очевидно Мих. Петр. рахує Олю за півособи.

застрѣлился и т. п., меня просить найти Алексѣева¹⁾ и Ступани. Алексѣевъ живеть въ Виллѣ Демидова²⁾ въ великолѣпной квартирѣ (даромъ). Нашель я его, — потратив[ъ] день, на другой онъ просилъ меня съ женой прибыть. Смотрѣли виллу Демидова, — и удивлялись, «но въ пана жінка хороша». Прошоль другой день. Ал.[ексѣевъ] сказалъ мнѣ, что Ступани уже ждетъ меня. Пошоль я на третій день ко оному: трижды не засталъ. На четвертый онъ пришелъ ко мнѣ самъ, — предлагалъ квартиру Мезенцева, за кѣото[рю] сей дворянинъ платилъ 300 фр., за 170 фр., — изъ чего можете судить и о х[аракте]рѣ самого Ступани. Мнѣ это конечно дорого (особенно безъ бѣлья для постели и т. п.). Какъ сталъ меня водить Ступани по гадчайшимъ квартирамъ, гдѣ съ меня просили отъ 100-140 фр.!

Такъ прошелъ еще день. Я же въ антрактахъ и прежде смотрѣлъ не мало домовъ, потомъ, разставшись съ Ступани, самъ нашель.

Около 100 фр. есть квартиры недурныя, — но для итальянцовъ. Вообще тутъ нѣтъ такихъ[ъ] квартиръ, к[а]к[ъ] въ Германіи, гдѣ и малую комнату и одну можно найти съ мебелью порядочною и пустую. Или бери 10-8 комнатъ, или живи въ конурахъ. По долгомъ лавеньи, рѣшивъ, что время — деньги, и что въ отеляхъ проживешься, — согласился взять описанную квартиру, хотя и не безъ страха. — Предварительно впрочемъ выбрался изъ Рома въ Patгіа, гдѣ за 2 комнаты съ меня берутъ 5 фр. да за прислугу 1¹/₂. Обѣдъ 3 фр. съ персоны. Вообще не общно, — такъ что могу рекомендовать и впредь.

Въ Италиі многое пріятно. Прежде всего погода. Въ Мюнхенѣ я оставилъ снѣгъ, а въ Веронѣ было жарко въ пальто. Во Флор[енціи] теперь идутъ часто дожди, но вообще очень тепло. Должно быть здѣсь зима бываетъ[ъ] кратка, если въ многихъ[ъ] комнатахъ даже и печекъ нѣтъ никакихъ.

Искусствами и древностями можно наѣсться здѣсь, конечно, до пресыщенія. Въ сношеніяхъ итальянцы весьма милый народъ; конечно, дѣловые люди мошенники, но не угрюмые, и можно ихъ[ъ] легко оборвать и удовлетворить франкомъ-другимъ. Языкъ итальянск[і]й усвоиваешь к[а]к[ъ] то незаметно. Съ литературой и наукой, конечно, познакомишься не успѣлъ, хотя надѣюсь. По нѣкоторымъ прорывкамъ думаю, что наука политическая вовсе не стоитъ тутъ такъ низко, к[а]к[ъ] ра[з]сказываютъ нѣмцы.

Изъ сего письма моего проку для Васъ мало. Я и нишу его только, чтобъ намъ не утерять нить сношен[і]й за границей. А къ тому имѣю просьбу. У Мари³⁾ я оставилъ деревян[н]ый ящикъ съ сахаромъ съ заключеннымъ⁴⁾ тамъ Вѣстн[икомъ] Европы⁵⁾. Отбейте его и доставьте В[ѣстникъ] Европы 1871 августъ, въ коемъ вырвите корресп[онденцію] изъ Флоренціи о классичесизмѣ и филологіи въ Италиі и мнѣ подъ бандеролью пришлите во Флор[енцію] poste-restante⁶⁾. Сотворите скорѣе сіе, ибо мнѣ статья послужитъ руков[одящей] нитью въ поискахъ. Какія вѣсти о книгахъ даетъ

¹⁾ Петро Петрович Алексеев (нар. 1810 р.) — ординарный профессор кievського університету на кафедрі хемії (з 1869 р.). На початку сімдесятих років університет урядив його для наукової праці за кордон.

²⁾ Цю вілу збудував (десь коло 1820 р.) Микола Демидов (1773—1828), російський посол у Флоренції та відомий за кордоном меценат. Зібрав у цій вілі розкішну колекцію картин та рідкощів. Саме перед переїздом Драгоманова до Флоренції там одкрито йому пам'ятника (1871).

³⁾ Марі (далі в цих листах її звано Marie чи Марія) — гайдельберзька нянька дочки Драгоманова.

⁴⁾ У рукописі: „съ сахару съ заключеннымъ“.

⁵⁾ „Вестникъ Европы, журналъ науки, политики, литературы“ — петербурзький часопис (1866—1917). У сімдесятих роках редагував його М. М. Стасюлевич. Напрям часопису був ліберальний. Року 1872-го Драгоманов уперше вмістив у ньому одну з своїх статей (див. лист IV).

⁶⁾ У рукописі: „Poste-restante“.

Шмидт¹⁾? Да и к[а]к[ъ] Вамъ живется?—Ал.[ександрѣ] Ив.[ановнѣ]²⁾, Татьяна Ал.[ександровнѣ]³⁾ отъ меня и жены поклонъ. Вашъ М. Драгоман.

Еще молимся: будете на почтѣ, запросите,—не было ли мнѣ денегъ и посылки (чай и книги) изъ Россіи, и что сотворено съ ними, если были. Боюсь, что не смотря на оставленный адресъ, по коему письма идутъ сносно (одно только занесли Павловой)⁴⁾, посылку и деньги могли вернуть. Сего ради загляните въ друге вікно на почтѣ: лѣвое и тамъ внушите, что слѣдуетъ,—ибо тамъ даютъ и принимаютъ тяжелыя вѣщи.

II. Людм. Мих. Драгоманова—до Ол. Ів. Кістяковскоѣ⁵⁾.

Сегодня ужъ недѣля, какъ мы во Флоренціи, Александра Ивановна, но устроиться еще до сихъ поръ не успѣли. Со второго дня прїѣзда начали хлопотать о квартирѣ и все не находили подходящей; только вчера приискали кое что болѣе удобное—три небольшихъ комнаты и главное на солнечной сторонѣ, но такъ дорого (150 ф.), что, ей Богу, не знаю, какъ мы и выкрутимся, имѣя въ виду еще и то, что при незнаніи города, насъ будутъ и на всемъ другомъ порядкомъ надувать. Ну да что дѣлать? Нужно быть на сторожѣ.—Какъ же вамъ живется? Я увѣрена, что хорошо—въ Гейдельбергѣ не можетъ быть худо,—право, это благодатный городъ. Пишите пожалуйста—доставите мнѣ огромное удовольствіе. Мнѣ ужасно грустно, что мы такъ мало видѣлись: я совсѣмъ не удовлетворилась бесѣдой съ вами. Здѣсь я успѣла уже познакомиться съ Алексѣевой, но во первыхъ они живутъ внѣ города (въ великолѣпнѣйшей виллѣ Демидова), а во вторыхъ новое знакомство вообще рѣдко идетъ скоро, а при моемъ неумѣннѣ сближаться съ людьми, въ особенности. А знаете, послѣ созерцанія гениальныхъ⁶⁾ произведеній искусства и художества, какъ-то еще больше хочется отвести душу въ интимной бесѣдѣ.—По части искусствъ всякихъ Флоренція городъ замѣчательный: что за церккви, нѣкоторыя зданія—прелесть; о музеѣ и говорить нечего—что ни на есть первый сортъ. Вотъ если бы вы были здѣсь, какъ бы пріятно было за чашкой чаю и поговорить о всемъ видѣнномъ. Ну да хоть пишите по крайней мѣрѣ.—Передайте мое привѣтствіе Алек.[сандру] Фед.[оровичу] и Тат.[ьянѣ] Ал.[ександровнѣ]. Желая вамъ съ дѣтками здоровья, остаюсь преданная вамъ Л. Драгоманова.

P. S. Клянитесь Маріи и скажите, что ея питомица ведетъ себя очень хорошо—здоровенькая и веселенькая.—Довольны ли вы ею? Какъ нравится вамъ оставленный нами вамъ въ наслѣдство обѣдъ? Что подѣлываетъ Павлова? Поклонитесь и ей отъ меня.

III. Мих. Петр. Драгоманов—до Ол. Хв. Кістяковскоѣ.

Флоренція, 11 Декабря 1871 г.

Via della Cordoita, 11, 4 p.

Нѣсколько замедлилъ симъ письмомъ къ Вамъ, Александръ Федоровичъ, поджидалъ вѣстей отъ Пригары, а вмѣстѣ съ ними и денегъ, ибо большая

1) У рукописи: „Шмидтъ“. Шмидтъ не гайдельберзький книгар. Драгоманов йому доручав одержувати з пошти накунки та книжки.

2) Александра Іванівна Кістяковська (1846-1920)—дружина Александра Хведоровича.

3) Татьяна Александрівна Торська (пом. 1910 р.)—приятелька Ол. Ів. Кістяковскоѣ; їздяла з нею за кордон і підчас писання цього листа жила з ними у Гайдельберзі. Це сестра Виктора Торського (див „Наше Минувле“, 1919, ч. 1-2, с. 99). Уся родина Торських була близька до „Громади“ та громадин Року 1874-го Т. О. Торська одружилася з Петром Вас. Ільницьким (братом київського книгара та видавця).

4) Павлова жила у Гайдельберзі одночасно з Кістяковськими. Далі Мих. Петр. говорять за неї трохи насмішкуюто: „а що, Павлова дуже обридла за зиму?“ (див. лист IV).

5) Листа цього писано на тому-ж таки аркушику, де допіру писав Мих. Петр., очевидно того-ж таки 9 листопада 1871 р.

6) У рукописі: „геніальнихъ“; „г“ мабуть стерлося пізніше.

часть книгъ, полученныхъ Шми[д]томъ, выписана для него,—самый же неоглагательный пунктъ—теперь въ дѣлахъ нашихъ въ Гейдельбергъ—это книги. Ничего не дождавшись, вынужденъ писать свой планъ распоряженія съ книгами: 1) Конституціи, 2) Maine¹⁾, 3) Freeman²⁾—прошу г. Шмидта выслать Odessa, Universität, An Professor Prigara и приложить счетъ. 4) Smith—History of East выслать мнѣ купно съ счетомъ же. Въ счетъ прошу записать и пересылку. Къ моему счету прошу приложить дубликатъ и пригаровского. По полученіи книгъ и счетовъ,—вышлю деньги. Это одинъ способъ распоряженія. Другой, буде возможенъ, таковой: если у Васъ есть свободныя деньги, то уilate Шмидту и извѣстите меня, сколько сіе составить въ русскихъ деньгахъ (приложивъ вообще, что я Вамъ долженъ). Я жду получить изъ Россіи таковыя,—и Вамъ вышлю. И въ семь случаевъ диспозиція съ книгами остается таже. Выборъ способовъ предоставляю на Ваше усмотрѣніе.

Книги я получилъ и уже двумъ здѣшнимъ мудрецамъ, знающимъ по русски и занимающимся народною словесностію, вручилъ. Тутъ вообще за народную словесность принялись основательно. Издають пронасть и,—что особенно хорошо,—по провинціямъ и даже по мельчайшимъ подраздѣленіямъ (Монферно, Верона, Венеція и т. д.), такъ что и о діалектахъ можно составить понятіе и вообще физономію дѣйствительную, а не прошедшую черезъ реторгу единенія, ухватить можно. Если прибавить, что и изслѣдованіе писанной литературы направляется тутъ теперь преимущественно на до-Дантовскій вѣкъ и имѣеть цѣлю доказать, что до Данта каждый діалектъ имѣлъ свою литературу, и то, что въ Сициліи и Неаполѣ начинаютъ³⁾ писать опять на діал[ектахъ],—то итальянскимъ Катковымъ остается только воскликнуть: интрига и сепаратизмъ. Къ удивленію, никто не кричитъ,—а напротивъ всѣ довольны и говорятъ, что «любовь къ частямъ только укрѣпляетъ любовь къ цѣлому!» Стѣды отсутствія⁴⁾ централизаціи видны тутъ и въ томъ, что не видите того единообразія въ говорѣ и старанія говорить по парижски и московски. к[а]к[ъ] у французовъ и нашихъ. Меня уже въ Берлинѣ удивляло, что Момзенъ⁵⁾ такъ и рѣжетъ по ганноверски, (то же к[а]к[ъ] Благовѣщенскій⁶⁾ спрашивалъ обо мнѣ,—отчего это я такъ скверно по русски говорю,—а тутъ, особенно если одушевится, то каждый съѣзжаетъ на діалектъ. А вѣдь единство литературы итальянцы завели чортъ знаетъ когда,—да только и единого имѣли, что литературный языкъ.—Почувствительно и для сепаратистовъ и для централистовъ! Вертаюсь къ народной словесности, скажу что издають здѣсь и по системѣ хорошей и съ примѣчаніями (діалектическими) и введеніями хорошими и, гдѣ можно, сравненія дѣлають съ своими и чужими.

Сего рады и наши пронаведенія народной словесности тутъ интересуютъ, конечно не многихъ, но совершенно серьезно (не то, что у французовъ) и искренно (не то, что у пѣмцевъ). На сказки особенно падки, ибо сказки такой, извините, подлый матерьялъ, что у всѣхъ народовъ почти одинаковы. Вотъ ученые люди и рады, что какъ оно моль чудно выходитъ, что и у финновъ лисица вовка надуваетъ и Дріовани de la Fortuna змія убиваетъ и ца-

¹⁾ Henry-James Maine, „Ancient law; its connection with early history of society and its relation to modern ideas“ (1861).

²⁾ Edward Freeman, „History of the Norman conquest of England, its causes and its results“ (1867).

³⁾ У рукописі: „начинають“. ⁴⁾ У рукописі: „отсутствія“.

⁵⁾ Теодор Момзен (нар. 1817 р.)—відомий у Німеччині історик, юрист і філолог. У сімдесятих роках був професором на кафедрі стародавньої історії у берлінському університеті; там його лекції слухав зимою 1870—71 р. Драгоманов.

⁶⁾ Мих. Мих. Благовѣщенскій (нар. 1821 р.)—професор римської словесности пєтербузького університету (1852—1872).

ревну освобождаетъ,—и у ликардцевъ, и у сицилійцевъ, и у рускихъ. Изъ сей радости ученихъ[бъ] иногда выходитъ результатъ, к[а]к[ъ] изъ негрушкина чтенія, а иногда исторія сказки выйдетъ. А намъ бы хотѣлось исторію народовъ поскорѣе получить.—Но царствіе небесное нудится!—Пока для насъ хорошо, что все таки въ ученомъ мѣрѣ запросъ на наше есть, хотя и больше всего на то наше, что на здѣшнее похоже, т. е., что всего менѣе наше. Нашего же настоящаго,—напр. думъ тутъ безъ комментарій и не вк[л]асть. А знаете, не смотря на богатство исторіи итальянской, историч. нар. поэзія тутъ пружалка. Думамъ и даже какой либо пѣснѣ о Перебійносѣ и въ подметки не годится. Думаю, оттого что исторія тутъ въ города да въ книги вошла. Но о сей матеріи будетъ.

Вашъ буддизмъ меня поразилъ даже. Съ чего такія мрачныя мысли? Право, можно, не взирая на «природу», «свою лицію» вести даже и саму «природу» потягивать нонемножку. Конечно, если впасть в буддизмъ, а особенно съ прибавкой браминскихъ видѣній міра силъфъ и удивнѣ, то справляться труднѣе.

Сего ради полагаю Ваше мрачное настроеніе духа, проявившееся въ послѣднемъ письмѣ вещь мимолетною, такъ что Вы, чего добраго, теперь даже и не поймете монхъ аллегорій о буддизмѣ и прочей ерундѣ.

Чада Ваши не болѣютъ ли оттого, что Вы ихъ по кievски держите. Вы бы ихъ постепенно приучали къ тутешнимъ порядкамъ.—Какъ у Васъ съ погодой? Тутъ хватилъ холодъ, но у насъ все таки въ каждой комнатѣ каминъ, хотя и глухой, а, главное,—солнце не перестаетъ грѣть сквозь окна преусердно, сего ради я очень не жалѣю, что не поскупился взять настоящую квартиру; конечно, «лучше жить въ бѣдной хижинѣ» и проч., но лучше жить въ сносной храмнѣ, безъ порока, чѣмъ умереть в[ъ] бѣдной хижинѣ съ добродѣтелью.—Вообще я не жалѣю, а очень радъ, что поѣхалъ сюда. Дороже, точно,—но много хорошаго и поучительнаго, а еще больше будетъ, если больше подучусь по итальянски и начну экскурсіи дѣлать.

Пока писалъ письмо,—принесли нѣкоторые рубли изъ отечества хотя и не отъ Пригары. Просьба о книгахъ остается прежняя. Прибавлю развѣ просьбу просмотрѣть Maine и Freeman'a и, по соображенію, повелѣть прислать мнѣ, или хотъ дать краткое извѣщеніе, что въ оныхъ[ъ] книгахъ заключается.

О чаѣ вѣстей не имѣю. Самое лучшее было бы ему идти почтою:—я даже не понимаю, съ чего гейдельбергская почта вздумала беспокоить имъ моихъ[ъ] знакомыхъ, когда ей ясно было велено слать сюда. Полагаю отъ обрусѣнія. Чай сей мнѣ очень ужъ надоѣлъ, ибо его Одиссея начинается еще съ августа съ М-те Пригары, которая была первой Цирцеей, захнувшей его куда-то, и я не буду удивленъ, если Одиссей Китайскій погибнетъ съ Еленевымъ межъ Сициллою и Харибдой. Любопытно знать, извѣстенъ былъ[ъ] ли Еленеву мой адресъ, и потому проспалъ ли онъ мою Итаку, или нѣтъ. Въ успокоеніе Ваше скажу, что я уже въ Г[ейдельбер]гѣ привыкъ пить скверный чай, а тутъ и подавна.

За симъ до свиданія. Извините, что все таки безпокою Васъ кой какими порученіями. Приѣзжайте сюда или, закажите что,—отслужу. Вашъ М. Драгом.

Ал.[ександрѣ] Ив.[ановнѣ] и Татьянѣ Ал.[ександровнѣ] кланяюсь».

IV. Мих. Петр. Драгоманов—до Ол. Хв. Кістяковського.

Флоренція, 13 Марта 1872.

Via della Cordotta, 11, 4 p.

Съ 1^{1/2} недѣли назадъ получилъ я Ваше письмо, Александръ Федоровичъ.—На счетъ чаю успокойтесь: Куиерникъ (но не тотъ, что Вы дума-

сте,—а братъ того, студентъ) доставилъ было мнѣ 2 ф., сказавъ, что, если я не хочу братъ, то онъ можетъ кому то уступить—и дѣйствительно прислалъ мнѣ 18 франковъ, а потомъ, спустя нѣсколько дней, еще 15, за куда то запроторенные ховяниномъ Елнева, к[ото]рые онъ разыскалъ. Одиссея такимъ образомъ кончилась благополучно и умнѣе, чѣмъ Гомерова: стараго бродягу лучше всего выгонять въ шею.

Гораздо важнѣе въ Вашемъ письмѣ заказы книгъ. Только врядъ ли я могу вполне удовлетворить Васъ. Пребывая за границей впроголодь, я не очень то засматривался на антикваріевъ, дабы не очень уже часто играть роль лисицы у винограда, — а потому ни свѣдѣн[і]й, ни талантовъ по сей части не приобрѣлъ большихъ, особенно въ Италіи, съ коей библиографіей я плохо знакомъ, и гдѣ каталоговъ печатать не любятъ, а держатъ книги въ кучахъ. Однако поищу прописанныя вами книги и, что найду, пришлю. Впрочемъ и къ этому небольшому обѣщанію прибавлю два ограниченія: первое, что я во Флоренціи пробуду не больше 13—14 дней: собственно надо бы уѣхать отсюда раньше, ибо 3 Марта намъ пришлось похоронить нашу Олю и потому пребываніе въ той обстановкѣ, въ которой случилось пережить такой случай, дѣйствуетъ разрушительно на жену и на меня,—мы остались только, чтобъ выручить свои деньги, к[ото]рые застряли по дорогѣ м[еж]ду Россіей и Флоренціей,—так что цѣлый мѣсяцъ мы жили въ долгъ; часть уже выручили, а другая, кто ее знаетъ и гдѣ. Второе огр[а]ниченіе состоитъ въ томъ, что здѣшніе пересылочные порядки находятся въ состояніи довольно варварскомъ, при чемъ варварство усиливается бюрократическими церемоніями; пошлю я Вамъ книги—да получите ль Вы ихъ? (Посылка, отправленная нашей нянькѣ еще 22 Декабря изъ Три[е]нта въ Тироль до селѣ не получена). Спросите Шмидта, не лъзя ли мнѣ послать при посредствѣ Лѣшера, ему: я такъ получилъ черезъ Loescher'a книги, посланные Вами, хотя и страшно по[з]дно, но всеже лучше чѣмъ ниго[г]да. Къ стати,—почто Вы и Шмидтъ не выполнили моей просьбы, не приложили счета ни моего, ни Пригаринаго и такимъ образомъ сдѣлали меня безъ вины виновнымъ въ неаккуратности.

Что думаетъ киевск[і]й ун[ив]ерси[те]тъ съ новой исторіе[й], я не знаю, а что Ваню Л.¹⁾ забал[л]отировали, все таки показываетъ, что К.[іевскій] ун[ив]ерси[те]тъ въ массѣ взятый, въ опытной психологій искусствъ, к[а]к[ъ] слѣдуетъ быть малорос[і]йскому ун[ив]ерси[те]ту. Пис[ц]ков[ъ] и ма[т]уш[ки]ных[ъ]²⁾ сынковъ, т. е. въ качествѣ таковыхъ неимѣющихъ ни нравственного такта, ни таковыхъ основъ, пускать на кафедры не слѣдуетъ. Эта баллотировка сняла упрекъ съ моей души, ибо я не далъ Яроцкому³⁾ и Ликину зарѣзать Ваничку, только будучи убѣжденъ въ его невозможности въ Кіевѣ и только послѣ размыслилъ, что серьезными вещами не шутятъ и что если я, будучи совсѣмъ ужъ съ боку припекой забраковалъ диссертацию Тумасова⁴⁾, что м[еж]ду прочимъ имѣ[ло] послѣдствіемъ пребываніе

¹⁾ „Ваня Л.“, „Ванічка“—то Иван Вас. Лучицкий (1845—1918)—вѣдомый историк. З 1870-го року був приват-доцентом кийвського університету на кафедрі всевітньої історії. Року-ж 1871-го (17 грудня) його балотовано на штатного доцента, та не обрано. Скоро по тому він виїхав через Петербург за кордон до Парижа. По дорозі заїдав до Гайдельберга, де бачив Кістяковського. Та цього листа Драгоманов писав тоді ще, як Лучицкий був у Росії. Лучицкий дуже шанував Кістяковського, Кістяковський ставивсь до нього дружньо.

²⁾ Або „маменькиныхъ“, бо в оригіналі: „ма...киныхъ“.

³⁾ Вас. Як. Яроцький (нар. 1826 р.) заступав місце екстраординарного професора в кийвськійм університеті, 1856—76).

⁴⁾ Ничип. Степ. Тумасов (1835—1888)—магістер історії, викладав стародавню історію у кийвськійм духовній академії, був учителем кийвській 2-ої гімназії. Може Драгоманов каже тут за докторську його дисертацію?

Антоновича¹⁾ въ К.[іевскомъ] ун[иверсите]тѣ, к.[акъ] корректив[а] къ штабс-ротмистру [И]конникову²⁾, то тамъ, гдѣ на мнѣ лежала пряма[я] отвѣтственность, тѣмъ паче мнѣ слѣдовало поступить к[а]к[ъ] слѣдуетъ взрослому человѣку. Вамъ м[ожетъ] б[ыть] моя рѣчь не понравится. Не знаю, насколько Вы можете вѣрять, что служебнаго соревнованія съ Ваней у меня нѣтъ: судя по тому, что Вы мнѣ говорили въ Г[ейдельберг]ѣ, я думаю, что Вы не чужды подозрѣній, что я интригую противъ Вани.

«Дѣло житейское!»—думаете Вы. Продолжайте думать такъ, если иначе не можете. Я же прибавлю, что весьма вѣроятно, что К[іевско]му ун[иверситету] прійдется думать и о древней исторіи, ибо я, вернувшись, читать приват-доцентомъ не стану, а штатнымъ меня не утвердятъ. Разъ уже важно, куды карлючка закаидзюбылась, а два,—убѣжденіе въ тожествѣ автора «Восточной политики и обрусенія»³⁾ съ моею персоною не поможетъ разгибанію сей карлючки. Да м[ожетъ] б[ыть], и пора уже начать мнѣ другую линію вести, пока и се загоеть судьба и сплетня, правящіе напимъ отечествомъ. Старая же моя линія завершилась въ такой *circulus viciosus*, въ коемъ кромѣ потери времени и достоинства личнаго ничего почти произойти не можетъ.

Любопытно бы мнѣ знать Ваше мнѣніе о дѣлѣ Мясникова. Не ждалъ я отъ Арсеньева⁴⁾, чтобы онь взялся защищать такое подлое дѣло! А между тѣмъ чистая репутація Арсеньева и обратная Лохвицкаго⁵⁾, навѣрно, повлияла на присяжныхъ. Хорошъ впрочемъ и Кони⁶⁾, который и въ процессѣ Бильбасова⁷⁾ игралъ какую то двусмысленную роль.—

А каковъ «Гражданинъ»⁸⁾! Я до сихъ поръ не отвѣчалъ Градовскому⁹⁾, ибо не знаю, что и отвѣчать: не лзя же написать человѣку: «чѣмъ я подалъ поводъ приглашать себя къ участию въ изданіи, гдѣ распорядитель кн. В. Мещерскій¹⁰⁾ и гдѣ предлагаютъ поставить точку въ реформахъ? Я впрочемъ знаю «Гражданинъ» по выноскамъ только въ «Голосѣ»¹¹⁾ и

¹⁾ Це Вол. Боя Антонович (1834—1908), у цей час був штатний доцент кїївського університету на кафедрі історії Росії (1870—1878).

²⁾ Вол. Степ. Конников (1841—1923)—історик. Року 1872-го був ординарний професор кїївського університету на кафедрі історії Росії (з 1871 р.)

³⁾ „Восточная политика Германіи и обрусение“—то статті Драгоманова писана восени 1871 року в Гейдельберзі, підписана „М. Т[олмачо]въ“ і друкована у журналі „Вѣстникъ Европы“ (1872, кн. II, III, IV та V). Зміст її переказано в „Автобіографіи“ (К. 1917, Пер. І. Лановий, сс. 22—4). Статтю передруковано у книзі: „М. П. Драгомановъ. Полѣтическія сочиненія“ (Подо ред. проф. Н. М. Грєвса і Б. А. Кистяковскаго, т. I. М. 1908, сс. 1—216).

⁴⁾ Кост. Кост. Арсенєв (нар. 1837 р.)—публіцист, юрист та критик. З 1866 р. адвокат; з 1867 р. голова ради оборонців с.-петербурзької судової палати.

⁵⁾ Ол-дер Волод. Лохвицький (1830—1884)—правознавець; з 1869 р.—адвокат. Московська рада оборонців ухвалила виключити його споміж адвокатів, але вища інстанція скасувала цю постанову. Звідциля початок його поганої репутації.

⁶⁾ Анат. Хвед. Кони (нар. 1814 р.) був відомий судовий діяч та промовець. Року 1872-го був прокурором с.-петербурзького окружного суду.

⁷⁾ Вас. Ол. Бильбасов (нар. 1838 р.) був приват-доцентом та професором кїївського університету (1867—71).

⁸⁾ Газета „Гражданинъ“ почала виходити року 1872, значить недавно перед тим, як Драгоманов писав цього листа. Газета виступила з консервативною програмою („поставити точку къ реформамъ“). Пізніше перейшла й до реакції.

⁹⁾ Грив. Кост. Градовський (нар. 1842 р.)— на початку сімдесятих років—консерватор; року 1872-го редактор газети „Гражданинъ“. Раніше він жив у Кїві, де працював у „Кїєвлянинъ“, але міг познайомитися і з Драгомановим і тому запрошував його до участі у „Гражданинъ“. З 1873 року Градовський розірвав із консерваторами, ставши лібералом.

¹⁰⁾ Князь Вол. Петр. Мещерський (нар 1839 р.)—публіцист і белетрист. Видавець, а пізніше й редактор газети „Гражданинъ“.

¹¹⁾ „Голосъ“—щоденна петербурзька газета (1863—1883); була вона головним органом лібералізму Росії. З 1871 р. її фактичний редактор Вас. Ол. Бильбасов (див. вище).

«СПВѣд.»¹⁾. Судя по оглавленіямъ, онъ редижируется не безъ полноты, что, конечно, еще болѣе дѣлаетъ его вреднымъ. Вамъ онъ не показался?

Кланяйтесь Ал.[ександрѣ] Ив.[ановнѣ] съ дѣтми и Т.[атьянѣ] Ал.[ександровнѣ] отъ меня и жены. Зиберу²⁾ и Ольденбурговымъ³⁾ тоже. А что, Павлова сильно надоѣла за зиму? Да, — въ большомъ количествѣ вещь нестерпимая соотечественники наши, к[ото]рыхъ чортъ знаетъ на что и набиваетъ судьба въ одну трущобу, к[а]к[ъ] Гейдельбергъ и тому подобныя прелестныя мѣста Западной Европы.

Вашъ М. Драгоманов.

V. Мих. Петр. Драгоманов—до Ол. Хв. Кістяковського.

Флор. 15 февр. 1873⁴⁾.
Lung' Arno Assiajoli, 12, 2 p.

Александръ Федоровичъ! Велими скорбно, что такіе патворилъ своимъ написаніемъ, но Вы не вѣрно объясняете его. Получилъ я Ваше письмо, какъ знаете, не въ особенно благоприятное для перепишки время. Отвѣчать приходилось о В. Луч[никомъ] и о ташкентствѣ, да о моемъ доцентствѣ, — т. е. о сюжетахъ, которыхъ я не очень то жалую и въ болѣе свѣтлыя времена. Дѣловаго же было въ Вашемъ письмѣ только заказъ купить нѣкія книги, — к[ото]рыя, какъ на бѣду, не находились. Одну нашелъ я только позже въ Ливорно, а 2 въ Неаполь, отправившись недѣли черезъ 3—4 послѣ Вашего письма въ странствіе, имѣвшее цѣлью забить голову чѣмъ-нибудь. Странствіе не располагало къ писанію писемъ, — а книги я думалъ, к[а]к[ъ] Вы и писали прямо въ Кіевъ везти. Къ тому же, думалось, что скоро обое съѣдемся если не въ Гейдельбергѣ, то въ Кіевѣ. Тутъ болѣзнь жены весьма серьезная приковала меня сначала къ Тосканѣ, а потомъ въ частности къ Флоренци, — когда я уже думалъ, Вы были въ Кіевѣ, или на пути. Только отъ Веселовскаго⁵⁾ я узналъ, что Вы думаете явиться въ Италию и именно въ Неаполь, но и отъ Веселовскаго же узналъ, что онъ писалъ Вамъ и въ Геную и въ Неаполь, но отвѣта не получилъ. А изъ газетъ не видѣлъ, чтобъ Вы оставались за границей. Конечно все мое молчаніе объясняется отчасти и способностью росіянъ запускать дѣла, а особенно переписку, — но сей грѣхъ позвольте подѣлнить по поламъ. Я имѣлъ привычку отвѣчать неизмѣнно на письма, — а Вы подали мнѣ примѣръ молчанія на 1½—2 мѣсяца. Такъ и я сначала не торопился, — а послѣ и пошло и пошло. Ну, и простите, грѣшенъ! впредь не буду!

Собственно насчетъ книгъ — моихъ, я ей Богу, не виноватъ, ибо не покидалъ ихъ, а оставилъ Marie съ тѣмъ, что ей заплачу, а если она не захочетъ держать, то чтобъ отдала въ складъ товаровъ, коему тоже заплачу, — ибо я терпѣть не могу патріархальнаго обращенія съ знакомыми въ такихъ случаяхъ. Какъ они попали къ Вамъ и потомъ Ольденбургу, я не вѣдаю. Что теперь будетъ съ ними, — тоже не вѣдаю: Вы пишете, что писали Ольденбургу, чтобъ выслалъ съ Вашими въ Кіевъ, — а чтобъ я написалъ ему, что съ ними дѣлать. А простѣйшая вещь сдать экспедитору въ складъ, — а мнѣ квитанцію выслать, — то я ихъ и возьму и потребую, когда захочу, — экспедиторъ же персона ком[м]ерческаая, а не пріятельская, слѣдов[ательно] и ругаться не будетъ, если долго будутъ лежать, а еще радоваться будетъ. Впрочемъ, все сіе я напишу Ольденбургу.

¹⁾ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ — газета (1728—1917). На початку сімдесятихъ років редагував її Вал. Фед. Корш. Напрям її був тоді помірно ліберальний.

²⁾ Це Мик. Ів. Зібер (1844—1888). Року 1872-го жив у Гайдельберзі.

³⁾ Фед. Ольденбург, батько відомого російського філолога. Тоді жив у Гайдельберзі з сім'єю; там із ними познайомились і Драгоманови, і Кістяковські.

⁴⁾ У рукописі: „1813“.

⁵⁾ Ол-дер Мик. Веселовський (нар. 1838 р.) — історик літератури. На початку сімдесятихъ років подорожував у Італію, розробляючи історію її літератури.

Напрасно Вы, питаю на меня злобу и предполагая во мнѣ таковую, не написали своего *curriculum vitae* за это время,—и ничего объ Ал.[ександрѣ] Ив.[ановнѣ] и дѣтяхъ. Вѣрно, впрочемъ, Вамъ лучше везеть чѣмъ намъ. Людмила все больна, такъ что едва можетъ выходить на $\frac{1}{4}$ часа изъ комнаты,—и черезъ 2—3 дня является медикъ. Кромѣ того начальство не милостиво. Я просилъ оторочки командировки, хоть безъ денегъ, до 1 Авг.,—а они сначала отказали, а потомъ дали съ деньгами до 1 Мая. Но министерство молчитъ вотъ уже почти 3 мѣсяца. Вѣрно откажетъ. Кромѣ того писалъ мнѣ Бунге ¹⁾, что возобновляетъ дѣло объ утвержденіи въ доцент[т]-ствѣ,—ибо не дуракъ же я, чтобъ являться въ Кіевъ, да еще въ Маѣ, чтобъ тамъ сѣсть безъ работы и безъ денегъ,—да что то тоже молчаніе наступило. Вѣрнѣе всего, что откажутъ. Свиныи только, что не сдѣлали это 3 года назадъ, когда я просилъ рѣшить дѣло, и А[н]тоновичъ ²⁾ общалъ. Ну, да лучше поздно, чѣмъ никогда ³⁾.

Сіе изреченіе да ⁴⁾ послужитъ символомъ и возстановленія нашихъ разговоровъ бумажныхъ и устныхъ. Напишіте, когда задумаете выбѣжать сюда,—берусь квартиру найти и на посылакахъ служить, посылавъ пенломъ главу ради моего окаянства.—А книги Вамъ приобрѣлъ таковы:

Bibl. scelta del foro crimin. V и VI.

C. Vessaria. Opere, vol. unico. Milano. 1824 ⁵⁾.

Клянюсь отъ себя, Людм.[илы] и Лиды Вамъ, Ал.[ександрѣ] Ив.[ановнѣ] и дѣтямъ,

Вашъ Многогрѣшный М. Драгоманов.

Веселовскіи ѣдетъ въ Неаполь. Сегодня пишу ему въ Римъ о Вашемъ адресѣ. Кстати, я слыхалъ, что въ Неаполѣ Котляревскій ⁶⁾. Не можете ль Вы забрать у него справки,—какого рода сборникъ пѣсенъ, что онъ далъ Костомарову, и не лзя ль его приобщить къ тому изданію, кое мы въ Кіевѣ творимъ (истор. пѣсенъ) ⁷⁾,—а 2-е не можетъ ли онъ дать тѣхъ сказокъ и легендъ, что у него есть, для отдѣльнаго ль изданія, или для помѣщенія съ благодарностям[и] и словословіями въ изд.[аніи] Рудченков[о]м[ъ] ⁸⁾ или и намъ. Отвѣтственнымъ лицомъ берусь быть я. Я знаю, что К.[отляревскій], е[а]к[ъ] всѣ малороссы, а особенно этнографы жаденъ и завистливъ, и славолубивъ,—однако не лзя ль къ нему подольстит[ь]ся. Вѣдь все равно онъ лежитъ на сѣнѣ съ 1863 г. ⁹⁾—Написалъ эту цифру и ужаснулся. 10 лѣтъ тончемося на одномъ мѣстѣ! А съ тѣхъ поръ сколько перемѣтъ вездѣ! О, Rus!

¹⁾ Мик. Христ. Бунге (нар. 1823 р.)—экономистъ; у роках 1871—75—ректор кійвського університету.

²⁾ Це П л а т. О л. Антонович (1812—1883)—тодішній попечитель кійвської округи.

³⁾ Приват-доцентом Драгоманов був із 15 травня 1864 року. 15-го вересня 1870 р. рада кійвського університету обрала його на штатного доцента, та попечитель округи Антонович не затвердив його. Підчас закордонної подорожі Драгоманова Бунге клопотавсь увесь час за затвердження його на цій посаді, та цьому заваджав знов-таки попечитель. Тільки вже як Драгоманов повернувся зза кордону, його таки затверджено.

⁴⁾ У рукописі: „на“.

⁵⁾ Ці книжки потрібні були Кістяковському, яко матеріал для його праці: „Элементарный учебникъ общаго уголовного права“. К. 1875.

⁶⁾ Ол-дер Ол. Котляревскій (1837—1881) — этнограф та археолог. Професор університетів дорпатського (1868—1872) та кійвського (1875—1881). Роками 1872—74 лікувався у Італії.

⁷⁾ „Историческія пѣсни малорусскаго народа съ примѣчаніями Вл. Антоновича и М. Драгоманова“. т. I, К. 1874; т. II, К. 1875.

⁸⁾ Ів. Як. Рудченко (Іван Білик)—відомий український етнограф та письменник. Видання, що про нього каже тут Драгоманов, це „Народныя южнорусскія сказки. Издавъ И. Рудченко“. Вип. 1, К. 1869; вип. 2, К. 1870.

⁹⁾ У листі VI Драгоманов каже, що Котляревскій узяв згадані казки з редакції „Основы“ й десять літ держав їх у себе. Це пояснює й речення: „він лежить на сні з 1863 року“.

VI Мих. Петр. Драгоманов—до Ол. Хв. Кістяковського.

Флоренція. 1873. Февр. 22.
Lung' Arno Acciajoli, 12, 2r.

Что значитъ долго не видаться, да еще и прегрѣшить,—какъ я! Не только перестануть понимать тебя, забывъ твой нравъ, да еще подозрѣвать въ дурныхъ помыслахъ. Низкій слогъ, который я употребляю въ разговорѣ, вѣрно гдѣ нибудь подалъ Вамъ въ моемъ письмѣ [поводъ] видѣть и злостныя намѣренія и „малость пріяельства“ и „завитки“ даже. Убей меня богъ, не знаю, что подало поводъ Вамъ къ такимъ выраженіямъ:—„ради самого себя, можетъ быть не безгрѣшнаго, но все таки не въ такой мѣрѣ, какъ Вы выражаетесь“. Обычный же мой стиль скорѣе говоритъ за „пріяельство“ (хотя м.[ожетъ] б.[ыть], по россе[і]йскому обычаю, и за ноздревское), чѣмъ за обратное. „Завитки“—могу, вспоминая письмо и то, что сіе жестокое слово Вами употреблено послѣ словъ „Предложеніемъ Вашимъ готовъ буду воспользоваться“—при чемъ Вы даже для вѣншей ядовитости приписали: „съ признательностью“,—могу объяс[н]ить развѣ выраженіемъ „побѣтушки“, к[ото]рое я употребилъ для соответствія „моему окаянству“. Шутки въ сторону,—оставимъ эти объясненія на тему: чѣмъ я тебя огорчила?—а я серьезно прошу Васъ нанншите к[а]к[ъ] будете въ Римѣ, когда двинетесь во Флоренцію, такъ я Вамъ постараюсь облегчить устроеніе тутъ.

Веселовскаго Вы, вѣрно, уже встрѣтили, ибо онъ побѣхалъ въ Неаполь.— На счетъ Котляревскаго теоретически я бъ могъ сказать, что онъ никакого труда къ сказкамъ и проч. не приложилъ, кромѣ того, что взялъ ихъ изъ редакціи Основы и на 10 лѣтъ задержалъ для публнки возможность пользоваться трудомъ тѣхъ, кто послалъ ихъ въ редакцію. Да съ практической точки зрѣнія все равно это,—лишь бы далъ теперь свои рукописи, если самъ не думаетъ скоро издать. О фирмѣ Рудченка Вы вѣрно судите по письму Котляревск[а]го, к[ото]рый послѣ 1-го выпуска писалъ, что Р[удчен]ко помѣстилъ навозъ подлѣ чистаго золота. На сіе можно сказать, что когда затѣвалось изданіе сказокъ, то было всего 20 рублей, да 20 №. Кой какъ собрали 100 №, изъ коихъ выбрали 80. Много было варьянтовъ, редижированныхъ плохо,—да вѣдь для этнографическаго изданія, не то что для поэтическаго, важна всякая подробность, хоть бы раз[с]казанная и не блистательно. 2-й вып. уже можно было нсортировать лучше, ибо 60 № выбирались изъ 150,—и 2-й выпускъ даже эстетики, к[а]к[ъ] Помнсь и Кулицъ, одобрили,—да и то я думаю, что и навозъ, забракованный эстетиками, надо будетъ перебрать: нѣтъ ли тамъ золота для этнографовъ и археологовъ. А кромѣ того, я читалъ письма къ Р[удчен]ку Афанасьева¹⁾ и Буслаева²⁾. Последній (Вы этого Котл[яревско]му не говорите) говоритъ, что съ филологической стороны изданіе Р[удчен]ка лучше Афанасьева³⁾. Много интересовались и много говорили мнѣ похвального изданію и Гаттала⁴⁾ въ Прагѣ и Миклошичъ⁵⁾ въ Вѣнѣ. Первый прошелъ со мною все изданіе и сдѣлалъ множество выписокъ для своего снпаксиса славянск[а]го, а второй въ предпоследнемъ выпускѣ своей граммати[ки] (последняго я не видѣлъ)⁶⁾ почти всѣ цитаты о малор. формахъ дѣлаеть по Р[удчен]ку. Надо еще сказать, что теперь Р[удчен]ко едва ли не единственный источникъ, откуда за-

¹⁾ Ондер Мик. Афанасьев (1826—1871) дослідник народньої російської словесности.

²⁾ Хвед. Ів. Буслаев (нар. 1818 р.)—відомий російський філолог, дослідник народньої словесности; академик.

³⁾ „Народныя русскія сказки А. П. Афанасьева“, М. 1863.

⁴⁾ Мартин Гаттала (нар. 1821 р.)—чеський філолог; професор слов'янської філології у празькій університеті.

⁵⁾ Франц Миклошич (1813—1891)—славнознавчий слов'янський філолог.

⁶⁾ „Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen“ Wien, 1852—1874; 1 і 2 вид.

падно-європейскіє філологи можуть почерпнуть свѣдѣнія о малор. язикѣ, ибо сборниковъ Максим[овича] ¹⁾, Метлинск[аго] ²⁾, Костомарова — теперь и въ Росіи встрѣтити трудно. Каналья Лобко ³⁾ куда то запропастилъ „Зап.[иски] о Ю[жно]й Р[уси]“, а болванъ Головацкій ⁴⁾ даже въ Галицію не далъ ни одного оттиска сборника пѣсень, к[ото]рый онъ забралъ у разныхъ лицъ и напечаталъ въ Моск. Читеніяхъ ⁵⁾. Сказки Р[удчен]ка разосланы всѣмъ специалистамъ въ З[ападную] Евр[опу] и кромѣ того сданы въ значительномъ количествѣ въ книжный магазинъ К[öhler's] въ Лейпцигѣ, к[ото]рый даже въ Америку посылаетъ славянскія книги. Кромѣ сего этотъ сборникъ — единственный по части сказокъ Малор. И если К[отляревскій] дастъ свои бумаги, то я берусь наблостить за тѣмъ, чтобы они помѣщены были и въ приличномъ мѣстѣ и съ приличным[и] оговорками и, — даже, повторяю, съ словословіями, къ к[ото]рымъ нашъ братъ хохолъ весьма неравнодушенъ. Что же до сборника думъ изъ XVIII в., то его к[а]к[ъ] своего рода курьозъ, можно издать совершенно отдѣльно. —

На семь кончу. Чего это Вамъ въ кошмарахъ Ширинскій снится? Могъ бы узрѣть въ семь знакъ вѣжнаго сочувствія ко мнѣ съ Вашей стороны. Если такъ, то одинъ изъ образовъ, преслѣдующихъ Васъ во снѣ, Бунге, можетъ измѣниться изъ демонскаго въ ангельскій. Не очень давно получилъ вѣжное письмо Н. [иколая] Хр. [истіановича] ⁶⁾, к[ото]рый пишетъ, что возобновляетъ дѣло о моемъ доцентствѣ и даже, не смѣетъ обнадееживаться рѣшительно, но подаетъ надежду на хорошій исходъ. Надѣюсь, что если Вы только специально чего либо противу Бунге не имѣете, то Ваши сны могутъ принять дуалистическій характеръ.

То не чорные орлы солетались,
То не Кривда съ Правдою соходилася, —
То малъ-Бунга и Ширинъ-Шахматъ.
За доцент[ство] Драгоманова билася.
и т. д.

Продолженіе сего стиха можете узнать у Веселовскаго, к[ото]рый, вѣрно, нашелъ его въ сочиненіяхъ Китовраса ⁷⁾, а самое письмо Бунге покажу во Флоренції. Впрочемъ, думаю, що нічого з цього не буде. — Кланяюсь Александр[ѣ] Ив. [ановнѣ] и юношеству. Вашъ М. Драгоманов.

VII. Людм. Мих. Драгоманова — до Ол. Гв. Кістяковської ⁸⁾.

Вотъ что значитъ хорошенко выбранный ⁹⁾, какъ это сдѣлалъ супругъ Вашъ, добрая Александра Ивановна, въ письмахъ къ М. П. Сегодня только получили письмо Ваше, а ужъ и отвѣчаемъ. Впрочемъ ¹⁰⁾ ко мнѣ, т. е. ко мнѣ и къ Вамъ это не относится, такъ какъ корреспондентствъ у насъ никакихъ не было; пишу Вамъ скорѣе, потому что слишкомъ знаю, что, коли

¹⁾ „Малороссійскія пѣсни“, М. 1827. „Украинскія народныя пѣсни“, ч. I. М. 1834. „Сборникъ украинскихъ пѣсень“, ч. I. К. 1849.

²⁾ „Народныя южнорусскія пѣсни“, К. 1854.

³⁾ Петро Лобко; у нього мабутъ був склад видання Кулішевихъ „Записокъ о Южной Русѣ“ (т. I. СПб. 1856, т. II. СПб. 1857).

⁴⁾ Як. Хвед. Головацкій (1814—1888) — славнознавчий український письменник.

⁵⁾ „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Русѣ“. У 60-х та 70-х роках друковано їх у „Чтеніяхъ моск. общ. ист. и древн.“.

⁶⁾ Це М. Х. Бунге. За цей лист Бунге Драгоманов писав до Кістяковської вже й у попередньому листі (порівн. лист V). Князь Ол-дер Прох. Ширинскій-Шахматов був попечителем київської округи; (1864—1867) через донос Ширинського (1866 р.) між иншим Драгоманова й не затверджено штатним доцентом року 1870-го.

⁷⁾ Року 1872-го Ол-дер Веселовскій видав свою працю „Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ“. (СПб. 1872).

⁸⁾ Писано тоді-ж, коли Мих. Петр. писав попереднього листа 22-го лютого 1873 року.

⁹⁾ У рукописі: „выбратить“.

¹⁰⁾ У рукописі: „Вы почемъ“.

не напишешь тотчасъ же отвѣта на свѣже полученное письмо, то и затянешся на, Богъ вѣсть, какое время. Вы сѣтуете на меня, что я не пишу ничего о своемъ здоровьи. Оно мнѣ самой такъ надоѣло, что и говорить объ немъ не хочется. Скажу Вамъ только, что теперь мнѣ сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда мы, собравшись было выѣзжать изъ Флоренціи, должны были остаться зимовать, — значительно лучше. Но все таки я до сихъ поръ совсѣмъ дармоѣдъ въ домѣ. — Буду надѣяться, что къ прїѣзду Вашему будетъ мнѣ еще лучше. — Карнавалъ во Флоренціи, какъ, вѣрно, и въ Неаполѣ, въ полномъ разгарѣ. Лида съ нѣмкой ходятъ глазѣть, я же, конечно, сижу дома, поэтому и сообщить ничего не могу по поводу его. Когда прїѣдете, будете рассказывать мнѣ, каковъ онъ въ Неаполѣ, и вообще о своемъ пребываніи въ Швейцаріи, Италиі. Думаю объ этомъ теперь часто. — Нашъ выѣздъ изъ Флоренціи тѣсно связанъ съ состояніемъ моего здоровья, а также и съ состояніемъ погоды на сѣверѣ, потому что самое скверное для меня простуда, а потому мы еще никакъ не можемъ опредѣлить срока нашего отвѣзда, хотя желалось бы не позже середины или конца апрѣля. —

Пожимаю Вамъ и Александру Федоровичу руки и желаю Вамъ съ дѣтми здоровья, здоровья, которое желается добрымъ людямъ съ особеннымъ чувствомъ тѣми, кто знаетъ, что значить быть безъ него.

Ваша Л. Драгоманова.

VIII. Мих. Петр. Драгоманов — Ол. Хв. Кістяковському.

Флоренція. 1873, 20 Марта.
Lung' Arno Acciajoli, 12, 2 p.

Смотрѣлъ Вамъ помѣщеніе. Только къ огорченію моему не знаю навѣрно, сколько Вамъ кроватей надо. Полагалъ, что 3 на большихъ и 2 на малыхъ (4-хъ). У нашего хозяина подходящее помѣщеніе врядъ ли найдется: остались все отдѣльныя хатки для 1—2. Обыкновенная цѣна 1 фр. съ кроватью, но на б.[олѣ] или м.[енѣ] продолжительное время. Недурное помѣщеніе въ Pensione Francese на Via Luiggi Alemanni противъ станціи жел. дороги, немного вправо отъ римскаго выхода. {За} 2 большія комнаты съ 5 кроватями просятъ 8 фр. въ день съ прислугой. Даваль 6. Вѣрно, отдадутъ. Иду болѣе точныхъ вѣстей. А когда будете выѣзжать изъ Рима, накануне напишите. Буду на вокзалѣ и провожу.

Вашъ М. Драгоманов.

Въ P.[ensione] Fr.[ancese] даютъ и вѣсть: сносно и недорого.